Ри Сара

НЕВЕСТКА *на* ЧХУСОК

ЗА СТОЛОМ ДЕВЯТЬ.
НАСТОЯЩИХ — ?

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

18+

Сара Ри

Невестка на Чхусок

«Автор»
2026

Ри С.

Невестка на Чхусок / С. Ри — «Автор», 2026

Корейский психологический триллер. В семье Квон к Чхусоку готовятся основательно. Даже невестку заказали заранее.За три дня в чужом доме Суджин получит три с половиной миллиона вон. От неё требуется немногое: отзываться на имя Сохи, говорить её голосом и не расстраивать слепую бабушку.Настоящая Сохи исчезла полгода назад. Муж уверяет, что она просто ушла.В спальне до сих пор висит её пижама, на кухне ждёт фартук с лимонами, а за праздничным столом собираются девять человек. Суджин старается запомнить, кого называть мамой, кому кланяться и с кем нельзя оставаться наедине.В первую же ночь выясняется, что не только ей здесь платят за чужую роль.А утром муж публикует фотографии Суджин от имени пропавшей жены. Родственники и соседи радуются возвращению Сохи.Её настоящая мать тоже видит снимки.И садится в машину.

© Ри С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Невестка на Чхусок 6
Глава 1. Жена на три дня 7
Глава 2. Третья ступенька 11
Глава 3. Профсоюз 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Сара Ри
Невестка на Чхусок

Невестка на Чхусок

Корейский психологический триллер
Серия «Семья напрокат». Книга 2

Глава 1. Жена на три дня

За столом нас было девять, и в первый вечер я была уверена, что ненастоящие здесь только мы с Тэсиком.

Через два дня я стояла на автобусной остановке у реки, под столбом, где полгода висела листовка «Ищу дочь», и отдавала женщине в банных тапочках серебряную серёжку в виде листика эвкалипта, с погнутым замочком. Серёжку нашли под камнем. Женщина долго не брала её, а потом взяла двумя пальцами и спросила только одно: где. А в тот первый вечер я думала только о том, как держать палочки за чужим столом и не перепутать, кого здесь называть мамой.

Меня наняли женой на три дня Чхусока, с проживанием у мужниной родни под Андоном, с ночёвкой в комнате, где до меня спала другая женщина, и в её фартуке. До этого я полтора года играла в агентстве «Тёплый дом» подруг невесты, дочерей и один раз внучку, которая звонила бабушке из Австралии пожелать спокойной ночи, а жену мне доверили впервые. Директор Пэ сказал, что для жены у меня наконец подходящий возраст, а лицо подходящее было всегда.

— У тебя лицо, которому всё прощают, — сказал он. — Для жены это главное.

Агентство занимает две комнаты над закусочной с жареной курицей у станции Синлим, и с тех пор, как я там работаю, я не могу есть курицу, не вспоминая договоры. После весенней истории с Сонён, о которой у нас говорят вполголоса и только когда директора нет в комнате, он написал маркером на листе бумаги «На заказ с ночёвкой одна не ездит НИКТО» и велел Тэсику приклеить лист скотчем к двери изнутри. Слово «никто» он обвёл два раза. Сама Сонён третий месяц жила в Кунсане, на заказе, про который директор не рассказывал даже Тэсику, и её анкета висела на сайте с серой пометкой «занята».

Ценят меня в агентстве не за лицо. С пятнадцати до двадцати двух лет я была стажёркой в развлекательной компании на Чхондам-доне: пела, танцевала, учила японский, худела к каждой ежемесячной проверке и копировала голоса. Голоса получались у меня лучше всего остального. Я могла спеть припев голосом любой старшей из нашего общежития так, что менеджер в коридоре оборачивался к двери, а на отборочном шоу, куда нас однажды отправили всем составом, я передразнила ведущего, и этот кусок вырезали из эфира, потому что ведущий обиделся. За три месяца до дебюта нашу группу расформировали, и компания выставила мне счёт за семь лет уроков, общежития, костюмов и операции на носу, которую мне сделали в восемнадцать лет, не спросив, хочу ли я другой нос. Счёт был на семьдесят два миллиона вон. Я плачу по семьсот тысяч в месяц седьмой год и, если ничего не случится, рассчитаюсь к тридцати одному. Мама держит в Сувоне лавку с панчханами и думает, что я выплатила почти всё, потому что я ей так сказала.

В «Тёплом доме» голоса пригодились. Я звоню бабушкам голосами внучек, которые уехали, обиделись или умерли, а один раз полчаса читала сказку мальчику голосом его матери, пока мать сидела рядом со мной в агентстве и плакала в рукав, чтобы мальчик не услышал. Директор Пэ называет меня магнитофоном, когда хочет похвалить, и тоже магнитофоном, когда хочет обидеть.

Квон Чжэмин пришёл в агентство в среду, девятого сентября, в половине восьмого вечера, когда внизу уже стояла очередь за курицей. Ему было тридцать пять лет, он был в светло-сером костюме без галстука и в очках без оправы, а в руке держал бумажный стаканчик из «Старбакса», который так и не открыл. Я сидела за перегородкой в соседней комнате и слышала его раньше, чем увидела.

Голос у него был ровный и сеульский, как у дикторов, которые объявляют станции в метро. Только на слове «бабушка» он съезжал куда-то на юг, гласные растягивались, и выхо-

дило «хальмэ», как говорят старики в Кёнсане. Так бывает у людей, которые выросли в одном месте, а живут в другом: на самых важных словах они переходят на язык, на котором эти слова впервые услышали.

— Жена ушла от меня в феврале, — сказал он. — После Соллаля. Оставила записку и ушла.

— Эх, бывает, — сказал директор Пэ так, как будто ему каждый вечер рассказывают это под запах курицы. — Чем могу?

— Бабушке восемьдесят восемь лет. На Соллаль она лежала в больнице в Тэгу, ей делали операцию на глазах, и операция не помогла. С весны она видит только свет и тени. Мы ей не сказали.

— Про глаза?

— Про жену. Ей сказали, что Сохи до осени уехала на курсы флористов в Японию и звонить оттуда дорого.

Директор помолчал. Я слышала, как он щёлкнул мышкой и закрыл пасьянс, а пасьянс он закрывает, только когда речь идёт о больших деньгах.

— Бабушка хочет на Чхусок передать Сохи ключи от кладовой, — сказал Чжэмин. — Она решила это ещё зимой. Позвонила из больницы и сказала всей семье, что на Чхусок отдаст ключи Сохи. Сохи, а не моей матери.

— А сердце у бабушки как? — спросил директор, который всегда знает, о чём спрашивать.

— Плохое.

Про ключи от кладовой я знала только из исторических дорам: там старая госпожа отдаёт связку невестке, и все во дворе кланяются, а невестка плачет. Я думала, что так давно никто не делает. Потом директор позвал меня, и я вышла из-за перегородки.

Чжэмин посмотрел на меня долгим взглядом, каким смотрят на квартиру, которую собираются снять, хотя она и меньше, чем на фотографии. Потом достал из кармана телефон в прозрачном чехле, на котором с внутренней стороны была засушена маленькая веточка эвкалипта.

— Это её телефон, — сказал он. — Сохи оставила его, когда ушла.

— Она ушла без телефона? — спросила я.

— Чтобы её не нашли.

Он включил видео. Женщина снимала себя в машине на пассажирском сиденье, за окном мелькали бетонные шумозащитные стены скоростного шоссе, а на коленях у неё лежал пакет с яблоками. Лицо у неё было круглее моего, брови гуще, волосы короче моих, чуть ниже ушей, а мои доставали до лопаток. Она засмеялась в камеру и сказала, что всё, едут в Мэхва-ри, прощай, маникюр, прощай, жизнь, увидимся после праздника, если её не зажарят вместе с чонами. Говорила она по-пусански, вопросы задирала в конце вверх, а «маникюр» произнесла так, что вместо одного слова получилось два. Сбоку, за кадром, засмеялся мужчина, и этот смех я узнала: смеялся Чжэмин, хотя так легко, как на видео, он при мне потом не смеялся ни разу.

— Можете так? — спросил он.

Я попросила включить ещё раз, потом ещё, закрыла глаза и повторила: «Всё, едем в Мэхва-ри, прощай, маникюр». На слове «маникюр» я тоже сломала слово пополам.

Чжэмин закрыл глаза и не открывал их, пока я не договорила. Потом открыл, взял со стола чек из «Старбакса», сложил его вдвое, потом ещё вдвое и ещё, пока чек не стал размером с ноготь, и положил бумажный квадратик на край стола, ровно параллельно краю.

— Ещё раз, — сказал он. — Про яблоки.

Договорились быстро. Три праздничных дня, с утра двадцать четвёртого до утра двадцать шестого, проживание в доме, пять миллионов вон, половина вперёд. Агентство берёт тридцать процентов, мне оставалось три с половиной миллиона, то есть пять моих месяцев долга за три

дня. Пока директор печатал договор, я считала это в уме, а потом поймала себя на том, что отстукиваю под столом пальцами восьмёрку, как в танцевальном зале: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Я так делаю, когда нервничаю, и никак не отучусь.

— Семья знает? — спросил директор.

— Мать знает и согласна, — сказал Чжэмин. — Тётя и двоюродный брат тоже знают. Бабушке никто не скажет. В этом доме все давно привыкли говорить бабушке то, что ей полезно.

Он сказал это без улыбки, и директор Пэ, который в девяностых играл бандитов и с тех пор умеет различать, когда людям смешно, тоже не улыбнулся.

Потом Чжэмин положил на стол прозрачную папку. В ней лежали распечатанные на обычной бумаге фотографии Сохи с прошлого Чхусока, план дома, который он нарисовал от руки по линейке чёрной ручкой, подписав каждую комнату аккуратными квадратными буквами, и жёлтый стикер, приклеенный к внутренней стороне файла.

— Это она оставила на кухонном столе, когда ушла, — сказал он. — Полиция видела. Чтобы вы знали, почему её нет.

На стикере чёрной гелевой ручкой, ровно и почти без нажима, было написано: «Мама, не ищи меня».

Мне показалось странным, что записку матери оставляют на кухне в доме мужа, а не посылают матери, но директор Пэ уже пересчитывал первую половину денег, а когда директор считает деньги, ему лучше не мешать вопросами. Чжэмин тем временем перевернул план и стал показывать, где кухня, где комната бабушки и где на возвышении за домом стоит садан, к которому от заднего двора ведут каменные ступени.

— В садан без меня не поднимайтесь, — сказал он. — Бабушка этого не любит. И вечером на гору не ходите, там кабаны. В прошлом году соседу разрыли могилу отца.

Тэсик сидел в соседней комнате и ел кимбап из фольги, выковыривая палочкой огурец из каждого куска. Когда директор сказал ему, что двадцать четвёртого он везёт меня в Андон и три дня живёт где-нибудь поблизости, Тэсик перестал жевать.

— Эээ… В субботу мне в Тэджон, — сказал он. — Я сыну обещал. Мы на Чхусок первый раз за пять лет вместе едим.

— Из Андона до Тэджона два с половиной часа, — сказал директор. — В субботу утром заберёшь её, посадишь в Андоне на поезд и к обеду будешь у сына. А бумажку на двери кто читал?

— Я читал, — сказал Тэсик. — Я её сам приклеивал.

Он посмотрел на меня поверх фольги так, как после весны смотрел на каждую из нас, и подвинул ко мне кимбап.

— Ну что, невестка, — сказал он. — Жарить умеешь?

— Чоны? Нет.

— Ну вот, — сказал Тэсик и снова принялся за огурцы. — Первое, чему тебя там научат.

Чжэмин уходил в девятом часу, забрав свою папку. В дверях он обернулся, как оборачиваются люди, которые полдороги решали, говорить или нет, и всё-таки решили сказать.

— И ещё. Если приедет женщина из Пусана, вы её не знаете. Не разговаривайте с ней, не выходите к ней. Это мать Сохи. Они не общаются пять лет.

— А она может приехать? — спросила я.

— Не должна, — сказал он и закрыл за собой дверь.

Квадратик из чека так и остался лежать на краю стола. Директор смахнул его в ладонь и бросил в корзину под столом, к пустым коробкам из-под курицы.

Дома, в однокомнатной квартире над прачечной в трёх остановках от агентства, я открыла ноутбук и набрала в поиске имя Сохи. Мне надо было найти её голос: видео в соцсетях, голосовые, что угодно, на чём можно было бы потренироваться за две недели. Голоса я не

нашла. Страница Сохи в инстаграме была закрыта, и видна была только аватарка: Сохи с букетом на чьей-то свадьбе. Зато на третьей строчке поиска нашлась фотография листовки, которую кто-то сфотографировал на автобусной остановке в Андоне и выложил в местное сообщество с подписью «Помогите найти».

«Ищу дочь. Юн Сохи, 34 года, рост 162 см, волосы чуть ниже ушей. 18 февраля 2026 года ушла из дома мужа в Мэхва-ри (Андон) и не выходит на связь. Была в фиолетовом пуховике. Любая информация». Ниже стоял номер мобильного, а на снимке Сохи смеялась, прижимая к щеке пучок эвкалипта, такого же, как засушенная веточка в чехле её телефона. Внизу кто-то приписал на листовке чёрным маркером, уже от руки: «Она не могла уйти без телефона!!»

Я сохранила номер в телефоне под именем «Баня Ёндо», потому что в комментариях под постом кто-то написал, что мать работает тёрщицей в бане на Ёндо и спрашивает про дочь у всех, кому трёт спину. Потом долго сидела над ноутбуком и вспоминала, что сказал Чжэмин в дверях. Мать и дочь не общались пять лет. Но женщина, которая пять лет не разговаривает с дочерью, вряд ли знает, в каком та была пуховике, и вряд ли станет клеить на остановках чужого города фотографию с эвкалиптом.

Глава 2. Третья ступенька

Матери Сохи я позвонила в понедельник, за три дня до отъезда, в одиннадцатом часу вечера, когда, как мне казалось, бани уже закрыты.

Я не собиралась ничего говорить. Мне нужен был её голос: если Сохи когда-нибудь подражала матери, а дочери всегда подражают матерям, хотя бы когда передразнивают, то в голосе матери можно было найти то, чего не было в одном видео из машины. Она ответила после второго гудка. В трубке плескалась вода, хлопала железная дверца шкафчика, и кто-то далеко кричал, что опять кончились маленькие полотенца.

— Алло? — спросила она. — Алло, слушаю.

Голос был низкий, с хрипотцой, пусанский, как у Сохи, только тяжелее, будто на каждое слово ей приходилось опираться. Я молчала и считала про себя: раз, два, три, четыре.

— Сохи? — позвала она, и вода в трубке вдруг стала дальше, как будто она отошла в угол или зажала ладонью другое ухо. — Сохи-я, это ты? Ты только скажи что-нибудь. Не хочешь говорить, не говори, ты только подыши, я пойму…

Я нажала отбой. Телефон пролежал у меня в руке ещё минуту, прежде чем я поняла, что звонила со своего номера и даже не подумала его скрыть. Через пять минут «Баня Ёндо» позвонила мне сама. Потом ещё раз, в полночь. Я не брала и не стирала номер, и с тех пор каждый раз, когда телефон вибрировал, я сначала смотрела на экран, а уже потом дышала.

Двадцать четвёртого Чжэмин заехал за мной в полшестого утра на серой «Сонате». Тэсик ехал следом на своей «Киа Морнинг», и всю дорогу я видела в боковом зеркале его маленькую белую машину, которая то отставала, то пряталась за автобусами, но всякий раз появлялась снова.

Ехали мы молча. Чжэмин включил новости, потом выключил, потом попросил меня сказать что-нибудь голосом Сохи, и я сказала про яблоки. Он кивнул, не поворачивая головы. На стоянке Чхиак, где в семь утра уже стояла очередь в туалет и пахло ореховыми пирожками, он достал из багажника бежевый кардиган и бейсболку.

— Её, — сказал он. — Наденьте. И волосы уберите под бейсболку, все.

Кардиган был мне велик в плечах и пах чужим кондиционером для белья, сладким, с ванилью. Чжэмин купил пакет ореховых пирожков, попросил меня пройти с ним от входа до кассы и обратно, а у кассы встал сзади и сфотографировал меня со спины, когда я брала у продавщицы пакет.

— Мать просила, — сказал он, хотя я ни о чём не спрашивала.

Я решила, что ему так легче: если женщина в кардигане его жены стоит к нему спиной, можно какое-то время не видеть, что у неё другое лицо. Сейчас я понимаю, что в ту минуту его занимала камера над кассой, но тогда я ела ореховый пирожок, обжигала язык горячей фасолью и думала о том, сколько стоит в Андоне комната для Тэсика.

В Мэхва-ри мы въехали в двенадцатом часу. Вдоль дороги стояли космеи, розовые и белые, такие высокие, что задевали зеркала машины, за ними желтели рисовые поля, а дальше, за полями и низкими крышами, широко и плоско лежал Нактонган. Деревня была маленькая: магазин с вывеской «Мэхва-супер», остановка, на которой ещё висела выцветшая листовка с эвкалиптом, и дома, которые по одному поднимались по склону к самому большому, с черепичной крышей и деревянными воротами.

Чжэмин посмотрел на листовку, когда мы проезжали мимо, и прибавил скорость.

Бабушка сидела у ворот на низкой скамеечке, положив обе руки на палку. На ней была сиреневая жилетка поверх белой блузки, волосы были убраны в пучок и заколоты деревянной шпилькой, а глаза смотрели прямо на дорогу, светлые, как вода в рисовом поле, и ничего не видели. Когда Чжэмин заглушил мотор, она повернула голову на звук.

— Одиннадцать сорок две, — сказала она.

У неё на запястье были большие часы с открывающейся крышкой, какие делают для слепых. Она закрыла крышку и протянула руку в сторону машины, ладонью вверх.

— Сохи-я. Дай руку.

Я вышла из машины и дала ей правую, потому что левой держала пакет с пирожками. Рука у бабушки была сухая и горячая, с толстыми, как у мужчины, пальцами. Она взяла мою ладонь в обе свои и держала долго, дольше, чем держат при встрече, а большим пальцем медленно гладила тыльную сторону, от костяшек к запястью и обратно, будто стирала что-то, что видела только она. Потом улыбнулась куда-то мимо моего плеча и крикнула в сторону дома так громко, что с крыши сорвались воробьи:

— Кёнок-а! Сохи приехала! Сохи наша приехала!

Из дома вышла маленькая жилистая женщина в фартуке, вытирая руки о полотенце. Это была мать Чжэмина. Она остановилась на верхней ступени у входа и посмотрела на меня, и я приготовилась к тому, что сейчас она заплачет или отвернётся, ведь её невестка ушла полгода назад, а на её месте стояла чужая женщина в её кардигане. Она не заплакала. Она посмотрела на меня так, как смотрят на погоду, которая неожиданно оказалась лучше прогноза, и сказала:

— Ну, приехали. Фартук на гвоздике у задней двери. Ты отдохни с дороги, я сама всё сделаю.

— Это значит «иди жарь», — сказал Чжэмин тихо, проходя мимо меня с сумками.

Фартук висел там, где она сказала, розовый, в мелкие лимоны, с прожжённой дырочкой на кармане. Я надела его, и в кармане что-то хрустнуло: там лежал старый чек из «Мэхва-супер» за две упаковки соевого творога и банку перилового масла, датированный четырнадцатым февраля.

Чоны здесь жарили на заднем дворе, на газовой горелке, поставленной на перевёрнутый ящик из-под яблок, потому что бабушка не выносила, когда весь дом перед праздником пахнет маслом. Кёнок расстелила на земле плёнку, поставила рядом со мной миски с нарезанными кабачками, рыбой, тофу и фаршем и показала один раз, как обмакивать в муку, потом в яйцо и как класть на сковороду, чтобы масло не стреляло. Второй раз она показывать не стала.

— Сохи жарила хуже, — сказала она через полчаса, глядя на мою сковороду. — У неё всё время подгорало с одного бока.

Сказала она это без грусти, почти весело, и тут же отвернулась мешать тесто для сонпхёна. Я подумала, что Сохи здесь, видимо, не очень любили, раз о ней можно говорить таким голосом через полгода после того, как она ушла.

Потом масло всё-таки стрельнуло. Я отдёрнула руку, но Кёнок оказалась быстрее: она схватила меня за правое запястье и рванула в сторону так, что кабачок упал в траву.

— Ой, осторожно! — сказала она. — Одной обожжённой руки в этом доме хватит.

Она отпустила меня, подняла кабачок, обдула его и бросила обратно в миску.

С заднего двора был виден садан. Он стоял на возвышении за домом, маленький, с тёмной черепицей и красными столбами, и к нему от двора поднимались каменные ступени. Я насчитала одиннадцать. Все они были серые, в рыжих и зелёных пятнах мха, со стёртыми посередине краями, и только третья снизу была светлее остальных, ровная, без мха, а в швах вокруг неё белел новый цемент.

— Весной переложили, — сказала Кёнок, заметив, куда я смотрю. — Камень треснул от мороза. Чжэмин сам и перекладывал, на выходных приезжал. Инженер, всё сам.

Через минуту она послала меня к глиняным горшкам на возвышении у стены за соевым соусом. Горшков было штук двадцать, больших и маленьких, накрытых крышками и сверху ещё пластиковыми тазиками от дождя. Я подошла к самому маленькому, с краю, потому что он стоял ближе всех и до него было удобнее дотянуться.

— Не тот! — крикнула Кёнок так, что я отдёрнула руку, как от масла. — Тот не трогай.

Потом она засмеялась, показала на большой горшок в середине и сказала, что в маленьком у неё старая паста, позапрошлого года, и если её открыть, то запах будет до самого Андона.

Когда я вернулась к горелке, на ступеньке у задней двери стоял Чжэмин с телефоном в руке.

— Не поворачивайтесь, — сказал он. — Жарьте, как жарили.

Я жарила, как жарила, и слышала за спиной, как щёлкает камера.

После обеда приехали остальные. Сначала тётя Мёнхи из Тэгу, полная, в солнцезащитных очках, с двумя коробками груш и мужем, который выгружал коробки из багажника и пел. Голос у него был поставленный, с вибрато на концах фраз, как у певцов трота по телевизору в воскресенье днём, и пел он старую песню про прощание на пусанском вокзале, хотя ехали они из Тэгу. Тётя называла его «отец Чжиу», по дочери, которая на праздник не приехала, а бабушка звала зятем, и он отзывался и на то и на другое.

Потом на маленькой красной машине приехал двоюродный брат Чжэхун, сын покойного младшего брата отца Чжэмина, с девушкой, которую представил невестой. Его мать в этот дом на праздники давно не ездила. Девушка была худенькая, в белых кроссовках, которые она тут же сменила на резиновые шлёпанцы из прихожей, и звали её Даын. Она поздоровалась со всеми по очереди, низко поклонилась бабушке, а когда очередь дошла до меня, назвала меня «старшей невесткой» и задержала на мне взгляд на секунду дольше, чем требовала вежливость. Я узнала этот взгляд. Так смотрят на человека, которого видели по телевизору и теперь не могут вспомнить, в какой передаче.

Днём Тэсик устраивался внизу, а к воротам подъехал в седьмом часу, когда уже начинало темнеть. Он снял комнату в доме у старосты, внизу у дороги, и привёз мою сумку, которую мы нарочно оставили у него в машине, чтобы у него был повод зайти. Бабушка услышала незнакомые шаги во дворе и повернула голову.

— Кто это?

— Водитель, бабушка, — сказал Чжэмин. — Сумку привёз.

— Водителя кормят, — сказала бабушка. — Садись.

Ужинали в большой комнате, на полу у длинного низкого стола. Обычно, как сказал мне потом Чжэхун, мужчины в этом доме ели за большим столом, а женщины после них на кухне, и так было всегда, сколько он себя помнил. Но в тот вечер бабушка, которую усадили во главе стола, постучала палкой об пол и сказала, что хочет, чтобы все сели за один стол.

— Все, — повторила она. — И Кёнок, и девочки. Я теперь ничего не вижу, так хоть послушаю, кто у меня есть.

Кёнок стояла в дверях с подносом, на котором была рыба, и не двигалась. Я видела её лицо сбоку: она смотрела на свободную подушку у стола так, будто ей предложили сесть на чужую машину и уехать. Тётя Мёнхи взяла у неё поднос, а Чжэхун подвинулся, и только тогда она села, на самый край подушки, не снимая фартука.

Нас было девять: бабушка, Кёнок, Чжэмин, я, тётя Мёнхи с мужем, Чжэхун с Даын и Тэсик, который сидел у самой двери, ел осторожно, как на поминках, и, когда к нему никто не обращался, смотрел в тарелку. Огурцы из кимчи он аккуратно сдвинул на край чашки.

Бабушка просила всех говорить. Она спрашивала Чжэхуна про работу, тётю про давление, а зятя про то, как дорога, и каждый раз, когда ей отвечали, наклоняла голову набок, как делают люди, которые слушают радио в машине с плохим приёмником. Потом повернулась ко мне.

— Сохи-я. А ты что молчишь?

— Ой, бабушка, у вас чоны в этом году солёные, — сказала я голосом Сохи, задирая конец фразы вверх, по-пусански. — Это не я солила, это мама.

За столом стало тихо. Тётя Мёнхи перестала жевать, Даын подняла на меня глаза, а Кёнок вдруг засмеялась, коротко, в ладонь, и тут же сделала вид, что закашлялась.

— Солёные, — согласилась бабушка. — Кёнок всегда солит, когда волнуется.

В этот момент у меня в кармане фартука завибрировал телефон. Я вытащила его под столом, посмотрела на экран и увидела «Баня Ёндо». Палец сам нажал на отбой. Когда я подняла голову, Чжэмин смотрел на меня через стол.

— Кто звонит? — спросил он потом в коридоре, когда все встали.

— Мама, — сказала я. — Из Сувона.

Он кивнул и ничего больше не спросил. Спать он ушёл в сарантхэ, с мужчинами, как здесь было заведено на праздники, а меня отвели в их с Сохи комнату, где на крючке за дверью висела её пижама, а на полке стояли кремы с этикетками на английском, наполовину использованные.

Перед сном я вышла на задний двор отмыть сковороды. Горелку уже убрали, двор освещала только лампочка над задней дверью, и за её светом садан был совсем тёмным, только красные столбы чуть проступали из темноты.

Сверху спускалась бабушка. Я не видела её, сначала только слышала: стук палки, шорох юбки, снова стук, и тихий счёт, который она вела вслух, по-андонски растягивая слова.

— Семь… восемь… девять…

На девятой ступени, то есть на третьей снизу, если считать от двора, палка стукнула иначе. Звук был короче и звонче, как будто палка ударила не в камень, а в пустой горшок. Бабушка остановилась. Она стукнула ещё раз, в то же место, и постояла, наклонив голову набок, так же, как за ужином, когда слушала, что ей отвечают.

Я стояла на краю светлого пятна от лампочки, с мокрой сковородой в руках, и не дышала.

— Сохи-я, — сказала бабушка, не поворачиваясь. — Ты там? Иди спать. Завтра рано вставать.

Глава 3. Профсоюз

Уснуть в комнате Сохи я так и не смогла.

Пижама на крючке за дверью висела рукавами вниз, как будто кто-то её только что снял, и, сколько я ни поворачивалась к стене, я всё время её чувствовала. На полке стояли кремы, флакон духов с грушей на этикетке и ватные диски в пластиковой банке, на зеркале висела чёрная резинка для волос с одним коротким волосом, а на стене у окна был прибит календарь от андонского сельхозкооператива, открытый на феврале. Его так никто и не перевернул: похоже, с февраля в этой комнате ничего не трогали, только к моему приезду кто-то застелил постель. Семнадцатое число было обведено красным, и рядом мелко написано «Соллаль, держись», а двадцать первое обведено синим: «Пусан, мама, баня!!» Два восклицательных знака Сохи поставила с таким нажимом, что прорвала бумагу.

Я долго смотрела на это «мама» и на два восклицательных знака. Женщина, которая пять лет не разговаривает с матерью, не пишет на календаре, что едет к ней в баню, да ещё с двумя восклицательными знаками. Или Чжэмин не знал, что жена ездит к матери, или знал и соврал нам в агентстве. Я не могла решить, что из этого хуже.

Во втором часу ночи я сдалась и пошла во двор попить.

Колонка во дворе была старая, с длинной железной ручкой, которую надо качать, а рядом с ней на бетонной площадке стоял кран, проведённый уже потом, для тех, кто качать не умеет. Луна была почти полная, Чхусок уже наступил, и двор было видно хорошо: чёрные кадки, глиняные горшки у стены и белые резиновые шлёпанцы, которые кто-то оставил на камне у крыльца.

У крана стояла Даын с зубной щёткой во рту, а на скамейке рядом сидел зять тёти Мёнхи, в майке и спортивных штанах, курил и вполголоса напевал.

Мы все трое замерли, как замирают люди, которые встретились ночью на кухне в чужой квартире. Первым опомнился зять.

— Не спится, невестка? — спросил он своим поставленным голосом и тут же сбавил его до шёпота. — Вот и мне. На новом месте никогда не сплю. Двадцать лет езжу, а привыкнуть не могу.

— Двадцать лет ездите в Мэхва-ри и всё ещё на новом месте? — спросила я.

Он посмотрел на меня, потом на сигарету и понял, что сказал лишнее. Даын вынула щётку изо рта.

— Ой, я вас вспомнила! — сказала она мне, сплюнула пасту в сток и вытерла рот тыльной стороной ладони. — «Прыжок к дебюту», восемнадцатый год, седьмой выпуск. Вы передразнили ведущего, а его потом вырезали, но кто-то из зала снял на телефон и выложил кусок в фанатском кафе. Я его раз пятьдесят смотрела. Мне тогда было восемнадцать, я тоже ходила на прослушивания.

— Меня вырезали, а не его, — сказала я.

— Ну да. Вас.

Мы помолчали. Зять затянулся, выдохнул дым в сторону, вежливо, чтобы не на нас, и сказал, глядя на луну:

— Значит, ты тоже из агентства.

Я посмотрела на Даын, Даын посмотрела на меня, и мы обе посмотрели на него.

— Ян Бонсу, — сказал он и протянул мне руку через скамейку, как на деловой встрече. — Агентство «Хаму», Тэгу. Мужья, отцы, дяди, иногда пою на поминках. У госпожи Мёнхи я уже третий раз муж: сначала у матушки в больнице на Соллаль, когда она после операции уже почти не видела, потом на юбилее госпожи Мёнхи в Тэгу, а сюда, в дом, приехал первый раз.

Настоящий от неё ушёл в прошлом году, а матери она не говорит, мать у неё старой закалки, так что я езжу на дни рождения и на праздники. Всё прилично, сплю в сарантхэ с мужчинами.

— Мин Даын, — сказала Даын. — «Родня на час», Каннам. Невесты, подружки, один раз была дочерью на свадьбе у отца, который женился в четвёртый раз. Чжэхуна тётки пилят, что ему тридцать четыре, а он не женат. Он меня нанял, чтобы хоть один Чхусок прошёл спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.